

ЧАСТЬ 2

«Что делать нам с бессмертными стихами?»

Я – не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна
Помяни ж за раннюю обедней
Мила друга, светлая жена!

*Александр Блок,
«На поле Куликовом», 1908 г.*

Опыт тех лет, проведенных Гумилёвым – бесстрашным бойцом – на фронтах Первой мировой войны, подготовил его и для последних испытаний. Большой поэт всегда разделяет судьбу своего народа, оставаясь преданным сыном своего времени. И звёздный взлёт поэзии Н. Гумилёва в три последних года вполне закономерен. Новая поэзия XX века ищет простоты, ясности, достоверности, пытается преодолеть риторiku века XIX, которая так приелась Гумилёву. Именно военный опыт, по убеждению Л. Довыденко, оказался для поэта решающим в его становлении. И она абсолютно права, замечая следующий момент в его творческой биографии, когда говорит о том, что «поэт ещё не прочитан и по какому-то странному недоразумению оставшийся автором «Капитанов» (1909 г.). В книге «Гумилёвская осень» как раз идет речь о «новом мироощущении – одном из наиболее ясных откровений духовного смысла войны», который открылся Гумилёву и нашел отражение в его зрелой

поэзии. Это стихи о войне 1914 года: «Новорожденному», «Наступление», «Война», «Солнце духа», «Рыцарь счастья». В них его поэзия обретает живое и мощное дыхание, блистая своей эстетической данностью, поражая фантастической симфонией культур.

Издавна страна держалась на трёх столпах российской государственности, которыми являлись: Самодержавие, Православие, Народность. Монолитная уваровская формула прочно вошла в народное сознание, и русский солдат в бой шёл за Веру, Царя и Отечество. Л. Довыденко знакомит нас и с книгой религиозного философа Павла Флоренского «Столп и утверждение Истины». В стихах «Новорожденному» (20 июля, 1914 г.), посвященных сыну М. Лозинского, Гумилёв писал: «И он искупит пред Богом / Многие наши грехи. <...> Он должен. Мы бились много / И страдали мы за него», – понимая, что земная жизнь – это, прежде всего, несение креста. Стихи «Наступление» продолжают военную тему, переключаясь с повестью «Записки кавалериста»: «Мы четвёртый день наступаем, / Мы не ели четыре дня», – здесь, как видим, поэзия вливается в тягучую прозу жизни. Между тем, главное – дух внутренний, а отнюдь не физический, когда «Господне слово / Лучше хлеба питает нас». И «голос дикий» рвётся из груди, и вещи пророческие строки рождаются вопреки и наперекор смерти: «Я, носитель мысли великой, / Не могу, не могу умереть». Но война жестока и беспощадна, доказательством чему стала смерть члена Российского императорского дома, хотя, как скоро станет известно, не единственного в ветви Романовых, князя Олега Константиновича, корнета лейб-гвардии Гусарского полка. Стихи «Наступление» Н. Гумилёв послал А. Ахматовой. Поэта отличало отменное чувство ритма и слова. «И так сладко рядить Победу, / Словно девушку в жемчуга, / Проходя по дымному следу / Отступающего врага», – в последней строфе он предстаёт не только акмеистом, Гумилёв по-прежнему в чем-то тот же романтик, «русский Киплинг», как часто его называли.

Великие исторические события имеют и свою отдачу. Такой отдачей и большой наградой для поэта стали его военные стихи, впитавшие феномен русской культуры, который вне своей религиозной природы и традиции не имел смысла. Та же А. Ахматова отмечала в поэзии Н. Гумилёва «религиозное возрождение» в восприятии им войны. А Н. Оцуп писал о том, что в стихах поэта слышится, «как в молитвах, обращение к Божьей Матери и Христу». Образы нового мира будоражили воображение Н. Гумилёва, в архетипах войны ему виделась особая миссия России, то, о чём писал И. Кант, считая «целью русского искусства – усовершенствование жизни, а не искусства ради искусства». В дневниковых записях А. Ахматовой есть оценка того архисложного периода: «Несомненно символизм – явление XIX века. Наш бунт против символизма совершенно правомыслен, потому что мы чувствовали себя людьми XX века и не хотели оставаться в предыдущем...» В самом конце XIX и первые два десятилетия XX века русская культура, как и вся национальная культура, переживали период необычайного подъёма, период, как бы воскресивший и подхвативший традиции пушкинского «золотого века», и названного по аналогии «веком серебряным». Канун нового, XX века, воспринимался современниками как некий итог исчерпывающей себя цивилизации, как преддверие неминуемой катастрофы, как начало конца света. Эсхатологическими настроениями были пронизаны философско-религиозные и художественные пророчества. Это было время бешеной популярности всякого рода оккультных наук, мистических откровений и напряжённой философской мысли, когда человек оказался на краю пропасти, обуреваемый тревожными предчувствиями. Литературовед, критик, публицист Д. П. Святополк–Мирский восторженно писал в 1926 году: «Никогда поэты не занимали такого места в русской общественной жизни, как в период Серебряного века. Флаг поэзии взвивается ветром истории прежде, чем приходит в движение поверхность народного моря». Да, поэт тогда был демиургом, всевластным творцом создаваемого космоса. Свежий всплеск творческой инициативы был осенён знаменами романтизма, близкого к модернизму. Сегодня нам это не понять, но люди того времени стремились жить по законам поэзии, и в обществе было особое отношение к поэзии и к званию поэта, безоговорочно утверждавшего исключительность творческой личности.

Однако вернемся к Гумилёву. В потоке многочисленных течений, группировок, школ, в этой неоднозначной эстетической атмосфере, когда трудно синтезировать обобщенную концепцию, Н. Гумилёв, минуя пестрый шлейф разнообразных литературных ассоциаций и аллюзий, будучи на пути обостренного эксперимента, всё же находит своё сугубо индивидуальное и неповторимое видение мира и искусства, свои утонченные поэтические формы, свою оригинальность поэти-

ческого стиля как наивысшего критерия художественности. Он прошел путь извилистый и тернистый, путь, усыпанный не столько розами, сколько шипами, путь волшебного и мучительного преобразования гадкого утенка в прекрасного лебедя, который, по примеру В. Брюсова, прошли такие поэты, как М. Кузмин и Н. Гумилев, который сформировал своё художественное credo в соответствии со всей мировой поэтической картиной. Гумилёв жил и творил собственную жизнь, красочную, яростную и таинственную.

Вся она нашла отражение в его поэзии о войне. В книге «Гумилёвская осень» автор размышляет об этом и анализирует его отдельные произведения данного периода. И как аналитик-литературовед Л. Довыденко добивается удивительно острого сочетания аналитики с эмоцией. Можно сказать, что «Записки кавалериста» – это боевая страда поэта, а военные стихи – это его героический подвиг. Так произведение «Война», посвящённое поручику Чичагову, Гумилёв пишет, когда уже созданы образы войны в творчестве Пушкина, Лермонтова, Толстого. Но у него собственный найденный ракурс войны, наряду с трагедией, у поэта она становится своеобразным полигоном, на котором проходит испытание на прочность человеческий материал, прежде чем стать материалом для образа. Гумилёв тяготеет к многомерности, проникновенной философской углубленности, осмыслению событий исторического прошлого. Стихи «Война», вошедшие в его сборник «Колчан», А. Ахматова читала на вечере в Государственной Думе. «Как собака на цепи тяжёлой, / Тявкает за лесом пулемёт, / И жужжат шрапнели, точно пчелы, / Собирая ярко-красный мёд», – строки явно прочерчивают пересечения с XV главой «Записок кавалериста», где так же «пули жужжали, как большие, опасные насекомые». Что отличало Гумилёва от других художников слова Серебряного века, отрицающих творчество как служение, чего нельзя сказать о нём, так это то, что он всегда стоял перед Богом: «И, представ перед ликом Бога...» – о чём откровенно признавался в стихах. Его военные произведения просты и торжественны. Поэт не отступался, по словам философа, религиозного мыслителя Г. Флоровского, от «абсолютной, религиозно-нравственной нормы», которая всегда являлась главным мерилем каждой эпохи. «Тружеников, медленно идущих / На поля, омоченных в крови, / Подвиг сеющих и славу жнущих, / Ныне, Господи, благослови», – только Бог может благословить человека на великую любовь и на жертвенный подвиг, ибо слаб он и не в силах один справиться с подобной неимоверно тяжелой ношей. И Гумилёв в это свято верил, целиком и полностью вверяя себя лишь одному Богу.

Поэт эстетизировал войну, у него присутствовала своя метафизика патриотизма, воспевающая всепобеждающую терпеливую жизнь духа. Философско-символическое произведение «Солнце духа» впитало в себя впечатления боев в Восточной Пруссии, и «жизнь нервами» описана им в «Записках кавалериста». Стихи были опубликованы в 1915 году в журнале «Невский альманах жертвам войны».

Расцветает дух, как роза мая, / Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая, / Слепо повинуется ему.
В дикой прелести степных раздолий, / В тихом таинстве лесной глуши
Ничего нет трудного для воли / И мучительного для души.

Лишь воспитав душу и волю, можно победить себя, победить смертный страх. А. Куприн говорил о том, что Н. Гумилёв «умел поэтизировать» войну. Но крайне сложно, совместить пафос и обыденность, оставаясь честным перед своей совестью, а еще при этом и соблюсти чувство меры. Изящна и гармонична гумилёвская ритмика. Близок недостижимый идеал, как близка и эстетическая значимость, подтверждаемая живой поэтической мыслью. Гумилёв талантливо сочетает традиции и новаторство, его идеалы стоят рядом с их реальным воплощением.

А. Ахматова, спустя годы, вспоминала: «Война была для него эпосом, Гомером, и когда он шёл в тюрьму, то взял с собой «Иллиаду». Романтика, мотивы странствий и войны, торжественная песнь победы звучат в стихах поэта «Рыцарь счастья»:

Как в этом мире дышится легко! / Скажите мне, кто жизнью недоволен,
Скажите, кто вздыхает глубоко, / Я каждого счастливым сделать волен.
<...>

Пусть он придёт! Я должен рассказать, / Я должен рассказать опять и снова,
Как сладко жить, как сладко побеждать / Моря и девушек, врагов и слово.

История мира была его историей, и он сам был настоящим человеком мира. Лирический герой Гумилёва решителен, полон веры, он превосходит и себя самого и поэта, реализуя многоликое авторское «Я», очередной раз доказывая, что русский романтизм – явление многогранное и сложное.

Господне слово

Есть Бог, есть мир / Они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога.

Николай Гумилёв

В апреле 1918 года Н. Гумилёв возвращается домой. Брестский мирный договор, обеспечивший губительный выход России из Первой мировой войны и сопровождавшийся эпитетом «унизительный», подписан. Говорят, что пути Господни неисповедимы. А пути истории? Пути литературы? История войн, если воспользоваться формулировкой Герцена, часто бывает «сведена на дифирамб и на риторику подобострастия». Именно этого и не могла принять свободолюбивая и прямая душа Гумилёва. Но и одна история с её исключительным сослагательным наклоном не могла и не может всё рассказать о войне, ибо она субъективна. И лишь литература с её гениальными произведениями способна внести не менее существенный вклад в спасение мира, потому что она умеет рассказывать образами, рассказывать через условно сослагательное наклонение мысли и метафоры.

Пожалуй, самые личные и автобиографичные стихи Н. Гумилёва, поражающие, как замечает Г. Струве, своей «объективностью», своей двойственной парадоксальностью, – «Пятистопные ямбы», вошедшие в сборник «Колчан» и адресованные блестящему переводчику М. Лозинскому. Начало их пронизано знакомыми мотивами кочевья и дальних экзотических странствий, но отнюдь ими не исчерпывается, где каждая строфа набирает мощь и неуклонный рост, открывая тематическую широту видения поэта, его безоглядность в литературе. Мы ныне это утратили. Явная боль и горечь разрыва прочитывается в строках, обращённых к А. Ахматовой, обнаруживающих нестерпимую бездну их отчуждения. «Я молод был, был жаден и уверен, / Но дух земли молчал, высокомерен, / И умерли слепящие мечты, / Как умирают птицы и цветы. / Теперь мой голос медлен и размерен, / Я знаю, жизнь не удалась... и ты... <...> Сказала ты, задумчивая, строго: / «Я верила, любила слишком много, / А ухожу не веря, не любя... <...> И ты ушла в простом и чёрном платье, / Похожая на древнее Распятье», – эти печальные признания не могут и сегодня не волновать современников, настолько сильна их испепеляющая страсть, их роковой поединок, не имеющий конца и продолжающийся в веках. «Ямбы» Гумилёва – это серьёзная оценка жизни и творческого пути. И душа поэта, обожжённая счастьем ратного дела, нашедшая в нём свое спасение, беседует со звёздами о Боге, и «глас Бога слышит в воинской тревоге / и Божьими зовёт свои дороги». В. М. Жирмунский оценил справедливо гумилёвские «Ямбы», метко сказав: «Эти стрелы в «Колчане» самые острые, здесь прямая, простая и напряжённая мужественная поэзия создала себе самое достойное и подходящее выражение». Поэт ставит себя перед Богом, обращаясь к библейским евангельским образам высшим стилем. «Крылатый призыв к высоте...», мистическая высота – иной путь, который открылся ему после войны.

Есть на море пустынным монастырь / Из камня белого, золотоглавый.
Он озарен немеркнущею славой. / Туда б уйти, покинув мир лукавый,
Смотреть на ширь воды и неба ширь... / В тот золотой и белый монастырь!

Проецируется некий футуристический взгляд, когда религия будущего, возможно, станет религией космоса. И в то же время его стихи воспринимаются не как отдельный голос и нечто непостижимое, но как сокровенное, последнее слово из вечности.

Н. Гумилёв во многих стихах, входящих в послевоенные сборники, предсказывал свою смерть. «<...> Несравненное право – самому выбирать свою смерть», – строки из его раннего произведения «Выбор». Будто предчувствуя ограниченность сроков жизни, он пишет стихи «Смерть»: «Есть так много жизней достойных, / Но одна лишь достойна смерть, / Лишь под пулями в рвах спокойных /

Веришь в знамя Господне, твердь». Как умереть? – вот что важно. Только для героев-воинов и благородных мыслителей мира: «Свод небесный будет раздвинут / Пред душою, и душу ту / Белоснежные кони ринут / В ослепительную высоту».

Общий обзор собственной биографии, в котором вновь соединяются и жизнь, и судьба, и творчество даны в стихах «Память» (Сборник «Огненный столп», 1921 г.), известных двумя незабываемыми строками, что навсегда символически врезались и в нашу память: «Только змеи сбрасывают кожи, / Мы меняем души, не тела». Но Гумилёв не был бы выдающимся поэтом, если бы представлял лишь одну биографию, он всегда и везде, безусловно, говорит больше, видит дальше, взлетает выше. Он заново переживает свою судьбу, творит её поэтически, этот «священный долгожданный бой» в нём не замолкает ни на мгновенье. «Знал он муки голода и жажды, / Сон тревожный, бесконечный путь, / Но святой Георгий тронул дважды / Пулею нетронутую грудь», – так он напишет о тех военных днях. Поэт опять на пути, где бушует вечная стихия прозрений и озарений. Его любимым поэтом, как замечает Л. Довыденко, становится У. Блейк, поэт-путеводитель. И Н. Гумилёву видятся «стены Нового Иерусалима / на полях моей родной страны». Небесная высота слога не лишает стихи естественности, потому что поэт предельно искренен, нет натянутой искусственности. «Предо мной предстанет, мне неведом, / Путник, скрыв лицо; но всё пойму, / Видя льва, стремящегося следом, / И орла, летящего к нему», – срезы жизни, существующие в памяти человека, что «слабее год от году», словно наслаиваются и разрастаются, открывая Млечный Путь, на котором когда-то могут встретиться изменчивые, непостоянные человеческие души, абсолютно не зависящие от брэнной жизни тела. Поэт поражал своей новой поэтической религией, которая не противоречила христианским истинам, покорял своей жертвенностью русского воина. Философ Е. Трубецкой, говоря о национальном патриотизме России, восхищался святостью этого дела, его правотой, лишенной национального эгоизма.

Поэтика воинского мужества и жертвенного героизма, отвергающего смерть, убедительно слышна в стихах «Священные плывут и тают ночи...» (1915), отражающие чувства тех десяти дней под прусским небом. «Священные плывут и тают ночи, / Пронесются эпические дни, / И смерти я заглядываю в очи, / В зеленые, болотные огни», – это сочетание эпического и эстетического момента, таинственным способом объединяющем эпичность и сжатость, где энергетически сопряжена рядом частная история и история человечества, исповедь одного человека и фреска эпохи. Поиск утраченного и обретение чего-то неизведанного часто пересекаются в его стихах, уже не удивляя своим парадоксом: «Но прелесть ясная живёт в сознании, / Что хрупки так оковы бытия, / Как будто женственно всё мирозданье, / И управляю им всецело я». Удивительны и стихи «Сестре милосердия» (1915), несущие этим жертвенным ангелам войны боевой и отважный посыл веры «в здоровье духа, / в молниеносный его полет», в особенности их заключительная строфа:

И мечтаю я, чтоб сказали / О России, стране равнин:
– Вот страна прекраснейших женщин / И отважнейших мужчин.

Автор книги не раз обращает наше внимание на провидческие чувства Гумилева, которым было суждено оправдаться. Достаточно упомянуть и стихи о нём наших современников, и памятник, и мемориальную доску, и праздник поэзии «Гумилевская осень».

Как ни парадоксально, но историю делают войны, и отечественная художественно-философская мысль XIX века сильна вечными темами, воплощенными в русской поэзии. Если оттолкнуться от высказывания Н. Бердяева, то Н. Гумилёв гениально владел не только «магией слов, всегда заколдовывающей», но и «мистикой слов, всегда освобождающей».

Необычайно притягательна в книге Л. Довыденко глава «И ещё о небе», без которой образ поэта-воина, поэта-ратника был бы неполным. Образ неба, олицетворяющий бесконечную широту мирового пространства, к чему он действительно испытывал магическую тягу, зрительный образ соприкосновения земного и небесного, проходит чрез весь гумилёвский сборник «Огненный столп», где собраны его вершинные, зрелые стихи. Этот сборник, наряду со сборником «Костёр», говорит о том, какие неограниченные возможности таились в поэте, жизнь которого так рано оборвалась. Вячеслав Иванов в своей литературоведческой статье «Звёздная вспышка», характеризуя поэтическую судьбу Н. Гумилёва, сравнивает её со взрывом звезды, «перед своим уничтожением внезапно ярко вспыхнувшей и пославшей поток света в окружающие её

пространства». Астральные, космические звёзды, далёкие планеты, Млечный путь, молниеносно сгорающие кометы неотступно озаряют его поэтический мир. Философская составляющая и мистическая интуиция, а он унаследовал этот пушкинско-лермонтовский дар мистика, являются ключом к разгадке его стихов. Представьте такую картину, что где-то в глубине Вселенной мириады звёзд, они рождаются и исчезают, а свет от них тысячелетиями разливается по Космосу. И человеческая жизнь лишь слабый отблеск этой звезды, она мала и мимолётна, но свет от неё может струиться долгие годы по истории мира. Жизнь и судьба Н. Гумилёва, обладавшего внутренней свободой, колоссальной энергетикой и независимостью стиха, – ярчайшее подтверждение этому.

«<...> скитания очищают, переплетают встречи, века, книги и любовь. Они роднят с небом», – писал романтик советской эпохи К. Паустовский. Восточная поэзия – самая большая страсть Н. Гумилёва, африканский материк его манил своим «колдовским очарованием». Произведение, исходящее метафорой, зачаровывающее загадками и тайнами древности, – «Звёздный ужас». Оно всё пронизано символами и знаками. Ничто не раздроблено во времени. Внутренняя душевная сила и гармония рожают и чувство символизма. Захватывает фантастичность происходящего, нереальность и какая-то планетарная перспектива, которую поэту необходимо оставить в сознании последующих поколений. «Это было золотой ночью, / Золотой ночью, но безлунной, / Он бежал, бежал через равнину, / На колени падал, поднимался...» – бежал, падал, но не смотрел лишь «в небо чёрное, где блещут / недоступные чужие звёзды», первая и последняя строки взаимосвязаны, они как будто замыкают вечное кольцо бытия, здесь срабатывает та самая необъяснимая, загадочная нота, делающая стих великим и поднимающая из исторических глубин земли тысячелетние ассоциации.

Н. Гумилёв удивительно поздно раскрылся как большой поэт. В чём же секрет его поздних стихов? Они отличались, по словам В. Иванова, колоссальной мощью, смещающей обычные представления. Дальнейший путь поэта после окончания войны – путь внутреннего углубления. Он в конце концов приходит к выводу, что ему до сих пор не хватало именно глубины, прочной идейной основы. «Заблудившийся трамвай», пожалуй, – одно из самых сложных философских произведений Гумилёва, включающее аллегорическое обобщение собственной жизни и судьбы. Происходит изменение привычных категорий, смещение действия во времени и пространстве, но и странным образом соединение разрозненных деталей и частей стиха, очень ясных и вполне самостоятельных по содержанию.

Шел я по улице незнакомой / И вдруг услышал вороний гай,
И звоны лютни, и дальние громы, – / Передо мной летел трамвай.

<...>

Мчался он бурей темной, крылатой, / Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый, / Остановите сейчас вагон.

<...>

Где я? Так томно и так тревожно / Сердце мое стучит в ответ:

Видишь вокзал, на котором можно / В Индию Духа купить билет.

Поэтика духовного героизма окрашена извечной тягой в Востоку, где в соприкосновении ощущается и острое предвидение собственной смерти. «В красной рубашке, с лицом, как вымя, / Голову срезал палач и мне...» – так метафорически представляет поэт свою смерть. При этом в стихах прослеживаются точные причинно-следственные связи между самыми различными событиями, когда все части собираются воедино. Поэт использует литературные реминисценции, навеянные воспоминаниями пушкинских мотивов из «Капитанской дочки» – образ Машеньки, а из «Медного всадника» – образ Императрицы. «И все же навеки сердце угрюмо, / И трудно дышать, и больно жить... / Машенька, я никогда не думал, / Что можно так любить и грустить», – жизнь тем и влечёт, что человек никогда не может себя исчерпать, что нет ничего окончательного в его судьбе. Эта парадоксальная двоякость происходящего и помогает ему идти дальше, падать, вставать, всё терять и вновь обретать себя. Возможно, тут ощущается и влияние Блока на поздние стихи Гумилёва. Он учился у Блока противоречиям в поэзии. И его стихи по-блоковски были «натянуты, как холст, между двумя противоречиями».

Философская мысль в поэзии Серебряного века тяготела к диалектическому взаимодействию, к самоосознанию себя в меняющемся мире. Художники слова пытались соединить философию и поэтическое знание, предвидя грандиозные перспективы развития философии и литературы. В XIX и XX веке начинает активно доминировать русское философское течение – космизм, открывающее органическое единство всего и во всём. XX век стал веком возмездия, веком мучительного поиска понимания в непрекращающейся борьбе противоположностей. Гумилёв, используя образы пространственного единства, создает в своей поэзии общее органическое мироощущение. Философ Н. Лосский рассматривал мир как целостную систему, как единство органически целого. И Н. Гумилёв заражал умы философией поиска истины, её благородным духом, вызывая своей поэзией чувство философского восторга. Противоречивая борьба идей найдет выход в его стихах «Шестое чувство». Да, жизнь неоднозначна. Наряду с вещами традиционными, есть и нечто непостижимое, загадочное. «Но что нам делать с розовой зарёй / Над холодеющими небесами, / Где тишина и неземной покой, / Что делать нам с бессмертными стихами?» – задается вовсе не риторическим вопросом поэт. И выдаёт исключительный ответ, завершая этот поэтический шедевр строфой, раскрывающей секрет гармонии и примирения с двойственностью мира:

Так век за веком – скоро ли, господь? – / Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть, / Рождая орган для шестого чувства.

Эволюция духа как высшая цель, где поэт «носитель мысли великой», найдет у Гумилёва своё развитие в центральной теме – теме слова, высвечивающей подлинную высоту человеческих устремлений. «Путь Гумилёва – движение к «сакральному творчеству, к стремлению объяснить бытие России и человечества в XX веке, соединить «личное» и «соборное», – пишет Л. Довыденко. И поэт напоминает нам всем об ответственности за изречённое слово, о его роковой неслучайности в нашей жизни и в человеческой судьбе. Гумилёвская строка восхищает своей фантастической плотностью, энергетическим накалом мысли. Поэт считал, что «без изучения поэзии нельзя писать стихи». И он усиленно учится стихотворному мастерству, будучи при этом отчаянным словолюбом и мечтателем. Стихи «Слово» перекликаются с его поэмой «Начало», где «заповедное слово Ом» – сама божественная плоть, сама материя и аура природы, некий космический Абсолют. Гумилёв по-пушкински верил в то, что гениальные слова и строки способны изменить жизнь и судьбу. Гениальное стихотворение будто вырастает из самого себя и бесполезно пытаться его интерпретировать. Тело слова, претерпевшее воплощение, способно к воскрешению, к новому уровню существования, к просветлению души и ее бессмертию.

В оный день, когда над миром новым / Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города.

Мир слова таинственен, непознаваем до конца, он воистину целомудрен, прост и точен, как мир Бога.

Но забыли мы, что осиянно / Только слово среди земных тревог
И в Евангелие от Иоанна / Сказано, что слово – это Бог.
Мы ему поставили пределом / Скучные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом, / Дурно пахнут мертвые слова.

Как завещание потомкам звучат стихи «Мои читатели» – своеобразная исповедь поэта, в которой он говорит и о предназначении человека, о предначертании судеб, когда все земные пути ведут к Богу. Читатели Гумилёва близки ему по духу: «Много их, сильных, злых и веселых, / Убивавших слонов и людей, / Умиравших от жажды в пустыне, / Замерзавших на кромке вечного люда, / Верных нашей планете, / Сильной, весёлой и злой, / Возят мои книги в седельной сумке, / Читают их в пальмовой роще, / Забывают на тонущем корабле», – перед его читателями весь мир, огромный и разноликий, и они владеют им, как когда-то владел и сам автор этих строк. Но отраднее то, что спустя столько десятилетий, Гумилёв по-прежнему владеет нашими умами и сердцами: «Я научу их сразу припомнить / Всю жестокою, милую жизнь, / Всю родную, странную землю / И, представ перед ликом Бога / С простыми и мудрыми словами, / Ждать спокойно Его суда», – вехи строки поэта словно вписаны в книгу жизни Вселенной, в которой обязательно должны храниться гениальные стихи, ведь и слово, что было вначале, было словом Бога, и было оно, несомненно, поэтическим.

В контексте сказанного, мы видим, что великие писатели и поэты прошлого не боялись ставить насущные жизненные вопросы и искать на них ответы. Процесс этот бесконечен. Мы тоже сегодня в поиске свежих идей и решений. Благодаря книгам, подобным «Гумилёвской осени», тем священным десяти дням, которые потрясли мир поэта и вошли в нашу с вами жизнь, мы находим смысл бытия, находим внутреннее равновесие, что дает нам и новый прилив сил. Николай Гумилёв научил нас многому: осуществлению живого слова, смелости мысли, проникновению в мир красоты, он научил, возможно, самому главному – быть выше любых обстоятельств. Чтобы история не стала мифом, она должна быть, как и дерево, с корнями и кроной. И мы должны очистить память, она не должна быть отравленной, и по нашим венам не должна бежать «отравленная кровь». Когда осуществляется воля истории, то осуществляется и неизбежное право собственной человеческой памяти, к которой призывал поэт и о которой говорил в своих стихах. Он страстно хотел этой сакраментальной сопричастности. И великое будущее военной литературы прошлого в том, что она всегда прежде и впредь, что мы непосредственно находим в документальной повести Гумилева «Записки кавалериста» и в его военной поэзии.

Сквозная тема книги «Гумилёвская осень» – проблемы войны и мира, исторической ответственности каждого живущего на земле, его гуманистических возможностей в результате опыта, накопленного человечеством, а также в контексте современных реалий с опорой на национальные традиции нашей русской литературы. Лидии Довыденко удастся синхронизировать и осмыслить бытие и творчество поэта на гребне глобального цивилизационного разлома, осмыслить всего лишь в пределах десяти гумилевских дней под прусским небом, проводя нас по дорогам войны, которые в конечном итоге, как и дороги жизни, всегда ведут к миру, а значит и к Богу. Давайте будем размышлять исторически, учиться и помнить, как это делал русский поэт Николай Степанович Гумилёв, о том, что история и поэзия живёт в нас, в каждом шаге, до последнего дня и часа. И не прощает предательства.

«Едут в Победино, чтобы прочувствовать Гумилёвскую осень, ставшую символом «серебряного века» в Калининградской области, едут в Победино, как к месту паломничества, те, кто любит поэзию Н. Гумилёва», – пишет в завершении автор, соединяя в книге исторический фон с хроникально-бытовым и с условным временем, подразумевающим прошлое, настоящее и будущее. И пророчески звучат строки поэтессы Татьяны Гнедич, посвящённые Гумилёву, в ее «Венке сонетов», написанном в прошлом веке:

Народный разум всё ему простил –
Дворянской чести рыцарственный пыл
И мятежа бравурную затею –
Прислушайтесь: над сутолокой слов
Его упрямых бронзовых стихов
Мелодии всё громче, всё слышнее.

Использованная литература:

- Гумилев, Н. С. Собрание сочинений в четырех томах. / Н. С. Гумилев. – М.: ТЕРРА, 1994.
Гумилев, Н. С. Лирика. / Н. С. Гумилев. – Мн.: Харвест, 2018.
Ахматова, А. А. Сочинения в двух томах. / А. А. Ахматова. – М.: Худож. лит., 1986.
Поэтические течения в русской культуре конца XIX – начала XX в.: Хрестоматия. – М.: Худож. лит., 1988.
Русская поэзия XIX – начала XX в. – М.: Худож. лит., 1987.
Сонет серебряного века. – М.: Издательство Правда, 1990.
Война в славянской литературе. – Мозырь: ООО «Белый Ветер», 2006.

